

Глава 41

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 14)

Чао Цы чувствовал себя крайне неловко.

Выпрямив спину и стараясь не смотреть на спутника, он лихорадочно смывал с себя следы недавнего надругательства. Тело окутывал пар, скрывая дрожь пальцев.

Очистить кожу было просто — в целебной воде источника любая грязь сходила сама собой. Но настоящая проблема крылась глубже...

Юноша поколебался, зажмурился и, собрав волю в кулак, ввел пальцы внутрь собственного тела. До этого момента он никогда не занимался этим сам: мелкий подонки всегда брал всё на себя, превращая очищение в очередное издевательство. Теперь же, делая это самостоятельно, Чао Цы ощущал не только жгучий стыд из-за присутствия возлюбленного, но и болезненную неопытность.

Внизу живота разлилась неприятная тяжесть, но, как бы он ни старался, извлечь из себя лишнее никак не удавалось.

Лу Цзэи стоял совсем рядом. И хотя Чао Цы действовал скрытно и осторожно, его долгое затишье и напряженная поза выдавали всё без слов.

В горле мужчины пересохло. С трудом подбирая слова, он нерешительно предложил:

— Сяо Цы, может... мне помочь тебе?

Уши Чао Цы вспыхнули пунцовым. Подавив нахлынувшую волну неловкости, он ледяным тоном отрезал:

— Убирайся!

Собеседник на мгновение замер, а затем не сдержался и тихо, едва слышно рассмеялся. В этом смехе не было насмешки — лишь странное облегчение. Пропасть в несколько сотен лет, разделявшая их, словно исчезла в один миг, затянутая привычным теплом прежних перепалок.

Он не стал настаивать, лишь крепче поддержал юношу, чтобы тот не соскользнул в воду.

— Ты вернул меня, — негромко произнес Лу Цзэи. — А что стало с тем... мелким подонком?

Услышав это определение в адрес Лу Яня, Чао Цы невольно вздрогнул, а затем его губы тронула тень усмешки. Всё-таки за десятилетия дружбы они стали понимать друг друга с полуслова — их мысли текли в одном направлении.

— Ли Ань создал для меня талисман, способный пробудить сознание прошлой жизни и подавить личность нынешнюю. Я активировал его, так что тот мальчишка теперь... можно считать, мертв, — ответил Чао Цы.

Его голос звучал ровно, почти безучастно, словно он сообщал о чем-то обыденном. Если раньше в его душе еще теплились остатки чувств к Лу Яню, то теперь они выгорели дотла. В этой игре либо умирал тот щенок, либо он сам.

Узнав о «смерти» потомка, Лу Цзэи не проявил ни капли сочувствия. Напротив, его взгляд потемнел от невысказанного гнева.

— Почему ты не сделал этого раньше? — спросил он.

Лу Цзэи никогда не отличался излишним милосердием. И хотя Лу Янь был его прямым потомком и носил то же лицо, совершенные им зверства не заслуживали прощения. Мужчина жалел лишь об одном: что этот мерзавец не сдох еще в колыбели.

— Он запечатал мои меридианы. Мне потребовалось много дней, чтобы накопить крупицу духовной силы, необходимую для активации талисмана, — пояснил Чао Цы.

На самом деле, долгое время им двигала жалость, и лишь когда поступки Лу Яня перешли всякую грань, последние капли сострадания в его сердце испарились. Но говорить об этом он не стал.

Продолжая разговор, юноша с нарастающим раздражением осознал, что его попытки очиститься тщетны — скверна не желала покидать его тело. Вспышка досады заставила его действовать неосторожно: желая поскорее покончить с этим, он слишком резко нажал на чувствительное место.

Внезапная острая боль прошла всё естество. Ноги, и без того едва державшие его, подогнулись.

Он неминуемо рухнул бы в воду, если бы не сильные руки, подхватившие его в то же мгновение. Лу Цзэи, до этого лишь придерживавший его за талию, теперь крепко обнял Чао Цы. Мускулистые предплечья плотно обхватили его стан, и обнаженная спина Чао Цы отчетливо ощутила жар широкой, твердой груди, прижавшейся сзади.

Тело было тем же, что и у Лу Яня, но теперь, когда в нем обитала душа Лу Цзэи, Чао Цы чувствовал невыносимое смятение.

В отличие от смущенного юноши, сердце Лу Цзэи забилося чаще. Он впервые осознал, насколько идеально Чао Цы вписывается в его объятия — словно был создан для них. Под ладонями ощущалась нежная, горячая кожа, а в нос ударил тонкий, холодный аромат, исходивший от этого человека, теперь согретый паром источника и ставший почти дурманящим.

Когда Чао Цы, опираясь на руки собеседника, с трудом обрел устойчивость, между ними повисло тягостное молчание. Никто не решался заговорить первым.

Наконец Лу Цзэи глухо спросил:

— Сяо Цы... ты правда... любишь меня?

В его голосе слышалось сомнение, но память Лу Яня подсказывала — в этом нет нужды. Ответ был очевиден.

Чао Цы в его руках заметно напрягся. Прошло немало времени, прежде чем раздался его на удивление спокойный голос:

— Нет.

Лу Цзэи вздрогнул, собираясь возразить, но юноша продолжил:

— Всё это осталось в прошлом.

Он обернулся и, вскинув бровь, посмотрел мужчине прямо в глаза:

— Ты был мертв сотни лет. Неужели ты думал, что я все эти века только и делал, что вздыхал по тебе?

— ...

Лу Цзэи чувствовал, что слова Чао Цы лицемерны, но он слишком хорошо знал этого человека. Если тот не желал признаваться, давить на него было бесполезно.

«Конечно, он всё еще любит Лу Цзэи. Но я скоро умру, так зачем ворошить прошлое? Зачем заставлять страдать еще одного человека?»

Когда с омовением было покончено, Чао Цы оделся. Они вернулись в покои.

Лу Цзэи собирался что-то сказать, но юноша опередил его:

— Я хочу попросить тебя об услуге. Доставь меня в город Сюаньян.

— Зачем тебе туда? — Лу Цзэи был ошарашен. Он не ожидал, что Чао Цы захочет уйти так скоро.

Сюаньян был одним из крупнейших городов в мире совершенствующихся, местом шумным и процветающим.

— Нужно уладить одно дело, — коротко бросил Чао Цы, не вдаваясь в подробности.

Лу Цзэи понял: если тот не говорит сразу, расспросы излишни. Ему не хотелось отпускать друга — и дело было не только в личных чувствах. В его нынешнем состоянии оставлять Чао Цы одного казалось безрассудством.

Но в итоге он не смог устоять перед напором юноши и согласился.

— Если ты так беспокоишься, просто распечатай мои меридианы, — предложил Чао Цы. — Я всё-таки нахожусь на стадии Преодоления Скорби. К тому же, тех старых маразматиков на этом же уровне Лу Янь перебил почти всех. Сейчас я могу разгуливать по миру, не опасаясь встретить равного противника.

Лу Цзэи задумался. Слова Чао Цы звучали логично. Немного помолчав, он с любопытством спросил:

— Ты достиг Преодоления Скорби? Почему же тот мальчишка считал, что ты всего лишь на стадии Разделения Духа?

Всё его нынешнее представление о мире после смерти основывалось на памяти Лу Яня, а в ней Чао Цы представал лишь практиком Разделения Духа.

— Пришлось скрыть истинную силу, — усмехнулся Чао Цы. — В такие смутные времена всегда нужно иметь туз в рукаве, не находишь?

Лу Цзэи невольно рассмеялся и, погладив юношу по волосам, мягко произнес:

— Ты прав. Если бы я в свое время умел скрывать свои козыри, то, возможно, не закончил бы так плачевно.

Лу Цзэи коснулся межбровья Чао Цы, и печать, блокировавшая меридианы, мгновенно развеялась.

Тот тут же почувствовал, как в груди и животе всё перевернулось. Густая, тошнотворная сладость крови подступила к самому горлу. Однако он не выдал своей боли ни единым жестом. Проглотив кровь, он улыбнулся Лу Цзэи:

— Ну вот, теперь ты спокоен?

— Меридианы свободны, так что провожать меня не нужно. Я доберусь сам.

С этими словами он поправил рукава и направился к выходу.

Лу Цзэи успел перехватить край его одежды. Чао Цы обернулся:

— Что-то еще?

— Те двое из Павильона Сияющего Света мертвы, сама организация распалась... — Лу Цзэи замаялся, прежде чем задать главный вопрос: — Когда ты вернешься?

Чао Цы опустил взгляд на прижатые к одежде пальцы друга и тепло улыбнулся:

— Скоро. Закончу дела и вернусь. Месяц, не больше.

Он поднял глаза на собеседника, и его тон стал серьезным:

— Была еще одна причина, по которой я медлил с талисманом. Я боялся, принесет ли тебе пользу возрождение в теле Лу Яня.

Ведь Лу Цзэи был мертв сотни лет. Почти все, кого он знал, давно обратились в прах, кроме Чао Цы, Ли Аня и нынешней секты Ступающих по звёздам.

— Но обстоятельства не оставили мне выбора, — вздохнул он. — Теперь тебе придется жить под именем Лу Яня. Прости меня за это. И еще... берегись Небесного Дао. Между ним и Лу Янем наверняка был какой-то договор. Не дай ему понять, что ты — это больше не Лу Янь.

Лу Цзэи замер на мгновение, а затем мягко улыбнулся:

— О чем ты только думаешь? Я получил шанс на вторую жизнь, и этому можно только радоваться. А о Дао не беспокойся.

Ему всего лишь нужно восстановить Царство богов. Раз Лу Янь уже достиг вершины, Небесный Дао вряд ли будет против, если эту задачу выполнит кто-то другой.

Чао Цы коротко кивнул и стремительно вышел.

Покинув величественный дворец, он обернулся и осознал, что всё это время находился буквально на вершине мира — чертоги были воздвигнуты прямо на Девяти Небесах.

Он начал спуск. К счастью, Сюаньян находился не так далеко, и к полудню Чао Цы уже был на месте. Юноша стремился сюда не просто так: в городе располагалась его самая верная и преданная сеть соглядатаев.

Он вошел в здание крупной торговой лавки. Увидев его, управляющий почтительно поклонился и без лишних слов проводил гостя в потайную комнату.

— Ступай. Позови ко мне Ин И, — распорядился Чао Цы.

Как только дверь за управляющим закрылась, он больше не мог сдерживаться. Из рта хлынула густая черная кровь. Содрогаясь в приступе кашля, Чао Цы судорожно нажал на несколько точек на своем теле.

Лишь спустя время его дыхание выровнялось.

Как только Лу Цзэи снял печать, Проклятие, пожирающее кости, подобно почуявшему добычу зверю, начало неистово терзать его изнутри. То, что он смог подавлять эту боль на протяжении всего пути, было пределом его возможностей.

Оказавшись в безопасности, он первым же делом вновь заблокировал собственные меридианы.

<http://bllate.org/book/15361/1416519>